

on the texts of the writer's works are proposed. The authors believe that turning to the dialogue model is productive for forming young readers' ideas about the image of the era, spiritual and moral values, and the characters' personalities.

Лю Миньцзе

Дальневосточный федеральный университет

e-mail: 1048795611@qq.com

УДК 81.161.1

СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗА «АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ» И. БУНИНА

Ключевые слова: И. Бунин, «Антоновские яблоки», композиционная структура, структурные геометрии, претекст и интертекст.

В статье детально рассматриваются структурно-композиционные особенности рассказа И. Бунина «Антоновские яблоки», его разновекторные проекции и сложные визуальные геометрии. Показано, что четырехчастная композиция рассказа не случайна, но опосредована авторским заданием и демонстрирует особое семантическое наполнение, переводящее смысловое содержание частных эпизодов на уровень всечеловеческий, онтологический. Установлено, что смена геометрических ракурсов текста, его композиционная противодинамика (центробежная и центростремительная) формируют надсюжетную сверхфабулу и оказывают влияние на восприятие философского поля рассказа. Интерпретирована необычность привычного названия хрестоматийного рассказа, намечены чеховские аллюзии.

Рассказ «Антоновские яблоки» появился в петербургском журнале «Жизнь» в октябре 1900 г. и имел подзаголовок «Картины из книги “Эпитафии”» [4, с. 149-166].

При анализе рассказа «Антоновские яблоки» важным обстоятельством становится значительная авторская переработка текста, которую неоднократно предпринимал Бунин. Как показал С. Н. Морозов, писатель 12 раз при его жизни переиздавал рассказ и 12 раз правил текст [11, с. 704–727]. По наблюдениям текстолога, наиболее существенная правка «Антоновских яблок» относилась к 1921 г., когда Бунин уже находился в эмиграции в Париже и когда готовилось новое издание его прежних рассказов – сборник «Начальная любовь» [5]. По утверждению С. Н. Морозова, «если в российских публикациях этот рассказ читался как рассказ-повествование, то в эмигрантской редакции это уже рассказ-воспоминание» [11]. Отчасти это, несомненно, справедливо, так как эмигрантское существование активизировало ностальгические ноты. Однако, на наш взгляд, подзаголовок

«Из книги “Эпитафии”» изначально акцентировал трагическую ноту, эмоционально тонировал «повествование».

О художественном своеобразии рассказа «Антоновские яблоки» писали многие исследователи, внимание которых привлекали, как правило, две центральные слагаемые художественной системы бунинского рассказа – поэтические картины усадебной природы и мотивы ностальгических воспоминаний центрального персонажа. Наблюдения подобного характера, несомненно, основательны и перспективны. Но за мощной «лирической стихией» рассказа элементы его структурной формы, композиции, сюжетной организации часто оказываются сдвинутыми на периферический план. Без внимания, как правило, остается эпитафический оттенок «Антоновских яблок». Между тем обращение к такого рода структурным аспектам позволяет обнаружить гармоничную и стройную геометрию рассказа Бунина, выявить его новые смысловые проекции.

При анализе рассказа «Антоновские яблоки» прежде всего привлекает внимание композиционное членение: весь текст поделен на четыре части, и какие бы правки позднее ни предпринимал Бунин (а их было множество), четырехчастная композиционная структура неизменно сохранялась. В символично-нумерологической системе цифра 4 наделяется разными и многочисленными значениями, но в рамках бунинского эпитафического повествования одним из наиболее значимых среди них оказывается символика погребального культа, пронизанного мортальными коннотациями [2]. Семантика четного числа 4, отличная от динамики нечетных 3 или 5 (и др.), выдвигает в нем на передний план значение покоя и устойчивости, ожидаемой статики. В самой «прочности» цифры 4 заложена некая константность и, как следствие, ощутимая меланхолическая слагаемая, прирастающая от главы к главе.

Во всех четырех главках «Антоновских яблок» Буниным отображено только одно время года – осень. Концепту *осень* традиционно присуща особая понятийная семантика – это угасание природы, подготовка к зиме, к спячке, сну, замиранию (смерти), а, следовательно, и здесь актуализируются мотивы грусти, прощания, минора, весьма близкие стилистике эпитафии. Вслед за жанровым подзаголовком *эпитафия* выбор времени года – *осень* – оказывается аксиологически значимым.

Природные картины, открывающие каждую из главок, выстроены последовательно и линейно: от ранней до поздней осени и начала зимы. Графический рисунок выстраиваемого «природного» сюжета как будто отчетлив. Между тем наряду с «природными» эпизодами четырех главок «Антоновских яблок» внутри них формируется и еще один стройный (под)сюжет – поэтапное взросление лирического героя.

Условно в четырех частях «Антоновских яблок» Бунин прослеживает еще античностью стадиированный человеческий жизненный путь – детство, юность, зрелость, старость. Возрастная *кварта* (4) временных этапов человеческой жизни соответствует четырем фрагментам компо-

зиционного членения. И хотя тридцатилетний писатель не дает в заключительной части рассказа картины его (лирического героя) старости, однако логика развития «возрастного» внутреннего сюжета ведет именно к этому периоду человеческой жизни, к завершающему этапу человеческого микрокосма.

Если внимательно присмотреться к тексту Бунина, то можно заметить, что бытийным фоном изображаемых *личностных* событий в каждой части рассказа оказывается *век, вечность, сто лет*. И подобных *вековечных* примет по тексту разбросано множество. Маркированный многоточием (...) рассказ лирического персонажа, таким образом, оказывается включенным в эту вечность, утрачивая геометрию линейности, но – в перспективе – обретая форму *круга*, знака вечности и космичности. Единичная жизнь лирического персонажа встраивается в цепь событий и судеб множественной вереницы людей (героев), уходящей в далекое прошлое (и приоткрытой будущему).

Между тем четыре главки «Антоновских яблок» вырисовывают и другие геометрические фигуры, уже не просто плоскостные, но объемно пространственные.

Как помним, в первой главке ведется рассказ о родном имении героя-нарратора. Во второй главе повествователь рассказывает об имении родственницы, тетушки Анны Герасимовны. Третья главка вбирает в себя историю усадьбы родных жены, шурина Арсения Семеновича. Четвертая – рассказ о безымянных мелкопоместных соседях. Повествовательный нарратив завязывается в *родном* поместье героя (1), именно он оказывается центром будущих пространственных концентрических кругов, расходящихся от *я* в мир.

Далее повествование движется через воспоминания о близких *родственниках*, о *родной* тетке героя (2). Кровная связь еще поддерживается. На третьем этапе концентрические центробежные круги достигают охвата *дальних* родственников, семьи жены (3), людей, близких уже не по крови, но по сердцу. И наконец, в четвертой части круги разрастаются до пределов *соседей* (4), людей уже не родных, знакомых герою в большей или меньшей степени. Теперь не природное время, не возрастные ступени, но *родство* (кровное и общечеловеческое) связывает главного персонажа с окружающим его миром, эксплицируя его причастность к жизни, времени, бесконечному космосу. «Родственные» концентрические круги (1□2□3□4) с очевидностью намечают *центробежную* динамику, ориентируя понятийно-смысловой вектор от малой точки *я* до расширения наррации до огромных колец-сфер, охватывающих многих или всех. Экзистенциальный хронотоп рассказа расширяется, открывается вечности.

Между тем, в опоре на те же истории Бунину-геометру удастся на ином понятийном уровне добиться смены перспективы, противоположной устремленности – *центростремительной*, сужающей и локализующей

иерархический мир. Если за исходное условие отслеживаемой динамики счесть представление о состоятельности и домовитости дворянских поместий и усадеб, то пространственный фигуративный конус концентрических кругов по ходу наррации будет не расширяться, а сжиматься. Заявленная в подзаголовке *эпитафия* получает грустное, предусмотренное поминальным жанром минорно-меланхолическое наполнение.

Известно, что Бунин необычайно много работал над текстом «Антоновских яблок», тщательно дорабатывал его, убирая и сдвигая фрагменты, уточняя речевые характеристики [4]. Но при всех трансформациях финальной композиционной фигурой неизменно остается кольцо, формируемое топонимом Выселки – название имения родителей центрального персонажа («замелькают огоньки Выселок», с. 190–191). С изображения картин «наших Выселок» Бунин начинает повествование, топоним пронизывает повествование, им же и завершается рассказ, композиционно замыкая бытийное кольцо.

Таким образом, можно заключить, что геометрии рассказа Бунина многочисленны и причудливы, и каждая из них создает свой минисюжет, открытый времени и пространству и/или замкнутый в вечности. Отсутствие единого сквозного сюжета, ожидаемого в эпическом повествовании, в лиро-эпическом рассказе Бунина оказывается компенсированным и замещенным множественным и разветвленным поли-сюжетом, сформированным пересечением, наложением, переплетением микросюжетов. Различная динамика временных пластов (время природное и время персонажное, и др.) накладывается на меняющиеся пространственные координаты (топос вечности и локус дворянской усадьбы, пространство внутреннего я и мира окружающих людей, и др.), моделирует многослойный рассказовый хронотоп, а внутри него – не менее сложный макросюжет, вбирающий факт и рефлекссию, конкретику и абстракцию, геометрию линейности и сферичности. Рассказ Бунина «Антоновские яблоки» поверяется почти пушкинской «алгеброй гармонии».

Литература

1. Бабореко, А.К. Бунин: жизнеописание / А.К. Бабореко. – Москва: Молодая гвардия, 2004. – 455 с.
2. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / перевод с немецкого / Г.Бидерманн. – Москва: Республика, 1996. – 375 с.
3. Богданова, О.В. «Темные аллеи» и другие рассказы И.А. Бунина / О.В. Богданова. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. – 300 с.
4. Бунин, И. А. Антоновские яблоки: Картины из книги «Эпитафии» // Жизнь. – Санкт-Петербург, 1900. № 10. – С. 149–166.
5. Бунин, И.А. Антоновские яблоки // Бунин И.А. Начальная любовь. – Прага: Славянское издательство, 1921. – С. 7–28.
6. Бунин, И.А. Собрание сочинений: в 9 т. / под общей редакцией А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. – Москва: Художественная литература, 1965 – 1967.
7. Захарова, В.Т. Проза Ив. Бунина: аспекты поэтики / В.Т. Захарова. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2013. – 112 с.
8. Измайлов, А.А. «Ищу я в этом мире сочетанья...» / А.А. Измайлов. – Санкт-Петербург: Галарт, 2019. – 232 с.

9. Квятковский, А. Поэтический словарь / А.Квятковский. – Москва: Советская энциклопедия. 1966. – 376 с.
10. Мальцев, Ю.В. Проза И.А. Бунина / Ю.В. Мальцев. – Москва; Франкфурт: Посев, 1994. – 432 с.
11. Михайлов, О.Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана / О.Н. Михайлов. – Москва: Центрполиграф, 2001. – 489 с.
12. Морозов, С.Н. Текстология рассказа И.А. Бунина «Антоновские яблоки» // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / редактор-составитель О.А. Коростелев / С.Н. Морозов. – Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, 2019. – С. 704–727.
13. Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Художественные произведения. Т. 5. Кому на Руси жить хорошо / Н.А. Некрасов. – Ленинград: Наука, 1985. – 432 с.
14. Пращерук, Н.В. Проза И.А. Бунина как художественно-философский феномен / Н.В. Пращерук. – Москва: Флинта, 2016. 232 с.
15. Сливицкая, О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина / О.В. Сливицкая. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. – 268 с.
16. Сливицкая, О.В. Сюжетное и описательное в новеллистике И.А. Бунина // Русская литература, 1999. – № 1. – С. 89–110.
17. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Москва: Академический проект, 2001. – 989 с.
18. Сурпин, М.Л. В творческой лаборатории И.А. Бунина (работа над рассказом «Антоновские яблоки») // Русская литература XX века (дооктябрьский период). Сборник 4. Творчество И.А. Бунина. – Калуга: [б. и.], 1973. – С. 3–16.
19. Флоренский, П. А. Мнимости в геометрии / предисловие, послесловие, комментарий Л.Г. Антипенко / П.А. Флоренский. – Москва: Лазурь, 1991. – 96 с.
20. Шмелев, И.С. Лето Господне // Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. (8 кн.) / составитель Е.А. Осьминина. – Москва: Русская книга, 1998. Т. 4. Богомолье: романы, рассказы. – 508 с.
21. Штерн, М. С.В поисках утраченной гармонии: проза И.А. Бунина, 1930 – 1940-х годов / М.С. Штерн. – Омск: Омский государственный педагогический университет, 1997. – 240 с.

Liu Minjie

Far Eastern Federal University

e-mail: 1048795611@qq.com

Structural and compositional features of the story

“Antonov’s Apples” by I. Bunin

Key words: I. Bunin, “Antonov apples”, compositional structure, structural geometries, pretext and intertext.

The article examines in detail the structural and compositional features of I. Bunin’s story “Antonov Apples”, its multi-vector projections and complex visual geometries. It is shown that the four-part composition of the story is not accidental, but is mediated by the author’s task and demonstrates a special form that transfers the semantic content of particular episodes to the universal, ontological level. It is established that the change of geometric angles of the text and its compositional counter-dynamics (centrifugal and centripetal) create above-the-plot narration and influence the perception of the philosophical field of the story. The originality of the common title is interpreted and Chekhov’s allusions are outlined.